

Сказка про зайку тянется долго, без конца, без начала, но с неослабевающим интересом, как те уютные, бесконечные сказки, которые дети рассказывают сами себе на ночь.

Зайка — это ремизовское *Ewig weibliche* * в своей детской ипостаси. Она чарует своей женственной и детской грацией и какой-то неизъяснимой подлинностью.

Призвание Ремизова быть сказочником-сказателем, ходить по домам, как делают это теперь уже многие сказочники в Англии и Америке, и, кутаясь в свой вязаный платок, рассказывать детям и взрослым своим таинственным, вкрадчивым голосом бесконечные фантастические истории про забытых и наивных человеческих богов. Его книги будут важны и ценны в русской литературе и без этого, но если он не станет настоящим бродячим сказателем своих историй, то он не последует своему истинному призванию.

ГОРОСКОП ЧЕРУБИНЫ ДЕ ГАБРИАК

Когда-то феи собирались вокруг новорожденных принцесс и каждая клала в колыбель свои дары, которые были, в сущности, не больше, чем пожеланиями. Мы — критики — тоже собираемся над колыбелями новорожденных поэтов. Но чаще мы любим играть роль злых фэй и пророчить о том мгновении, когда их талант уколется о веретено и погрузится в сон. А слова наши имеют реальную силу. Что скажем о поэте — тому и поверят. Что процитируем из стихов его — то и запомнят. Осторожнее и бережнее надо быть с новорожденными.

Сейчас мы стоим над колыбелью нового поэта. Это подкидыш в русской поэзии. Ивовая корзина была неизвестно кем оставлена в портике Аполлона.¹ Младенец запеленут в белье из тонкого батиста с вышитыми гладью гербами, на которых толеданский девиз «*Sin miedo*».** У его изголовья положена веточка вереска, посвященного Сатурну, и пучок «*capillaires*»,*** называемых «Венерины слезки».²

На записке с черным обрезом³ написаны остроконечным и быстрым женским почерком слова:

«*Cherubina de Gabriack. Née 1877.⁴ Catholique*»****

Аполлон усыновляет нового поэта.

Нам, как Астрологу, состоящему при храме, поручено составить гороскоп Черубины де Габриак. Постараемся, следуя правилам царственной науки, установить его элементы.

Две планеты определяют индивидуальность этого поэта: мертвенно-бледный Сатурн и зеленая вечерняя звезда пастухов — Венера,⁵ которая в утренней своей ипостаси именуется Люцифером.

* вечно женственное (нем.).

** Без страха (исп.).

*** тубочек (франц.).

**** Черубина де Габриак. Родилась в 1877 г. Католического вероисповедания (франц.).

Их сочетание над колыбелью рождающегося говорит о характере обаятельном, страстном и трагическом. Венера — красота. Сатурн — рок. Венера раскрывает ослепительные сверкания любви; Сатурн чертит неотвратимый и скорбный путь жизни.

Венера свидетельствует о великодушии, приветливости и экспансивности; Сатурн сжимает их кольцом гордости, дает характеру замкнутость, которая может быть разорвана лишь страстным, всегда трагическим жестом.

«Линия Сатурна глубока» — говорит о себе Черубина де Габриак. . . «Но я сама избрала мрак агата, меня ведет по пламеням заката в созвездье Сна вечерняя рука. Наш узкий путь, наш трудный подвиг страсти заткала мглой и заревом тоска. . .».⁶

Другая девушка, тоже рожденная под сочетанием Венеры и Сатурна, — героиня «Акселя» Villiers de l'Isle-Adam — говорит про себя:

«Все ласки других женщин не стоят моих жестокостей! Я самая мрачная из девушек. Мне кажется, что помню, как я соблазняла ангелов. Увы! Цветы и дети умирают в моей тени. Я знаю наслаждения, в которых гибнет всякая надежда».⁷

То французское письмо, которым неизвестная мать поручала Аполлону своего ребенка, было скреплено черной печатью со скорбным и грозным девизом «*Vae victis!*».*⁸ Он напоминает о «Too late! — слишком поздно!» на перстне Барбэ д'Оревилли.⁹

Вилье де Лиль-Адан, Барбэ д'Оревилли — вот те имена, которые помогают определить знак исторического Зодиака Черубины де Габриак. Это две звезды того созвездия, которое не восходит, а склоняется над ночным горизонтом европейской мысли и скоро перестанет быть видимым в наших широтах. Мы бы не хотели называть его именем «Романтизма», которое менее глубоко и слишком широко. Черубина де Габриак называет его «Созвездьем Сна». Оставим ему это имя.

Некогда это созвездье стояло в зените Европейского Неба, и его токами расцвела прекрасная рыцарская культура, имевшая своим знаком меч в форме креста. Уже давно началось вековое его склонение. Теперь, когда оно в осенние ночи на краткие часы подымается над зыбью волнующегося моря, блеск его не менее величав и ужасен, чем блеск Ориона. Люди, теперь рожденные под ним, похожи на черные бриллианты: они скорбны, темны и ослепительны. В них живет любовь к смерти, их влечет к закату сверкающего Сна — ниже линии видимого горизонта. («Я как миндаль смертельна и горька — нежней чем Смерть, обманчивей и горче»)¹⁰ Они слышат, как бьются темные крылья невидимых птиц над головой, и в душе звуком зауспокойного колокола звучит неустанно: «Слишком поздно!». Они живут среди современных людей, как Вилье де Лиль-Адан, «в несуществующей башне с лицом, обращенным на закат Геральдического Солнца». Они — обладатели сказочных сокровищ, утративших ценность; они владетели престолов и корон, которых больше нет

* Горе побежденным! (лат.).

на земле. Сознание напрасности всех великолепий, зажатых в руке, гнетет их душу —

Ни блеск венца, ни пурпур трона
Не увидеть моей тоске.
И на девической руке
Ненужный перстень Соломона.¹¹

Нетрудно определить те страны, с которыми их связывает знак Зодиака. Это латинские страны католического мира: Испания и Франция. На востоке — Персия и Палестина. В теле физическом он правит средоточиями мысли и чувства — сердцем и головой.

Сочетание этого склоняющегося созвездия вместе с заходящей Венерой и восходящим Сатурном придает судьбе необычно мрачный блеск. («И черный Ангел, мой хранитель, стоит с пылающим мечом»)¹²

Оно говорит о любви безысходной и неотвратимой, о сатанинской гордости и близости к миру подземному. Рожденные под этим сочетанием отличаются красотой, бледностью лица, особым блеском глаз. Они среднего роста. Стройны и гибки. Волосы их темны, но имеют рыжеватый оттенок. Властны. Капризны. Неожиданны в поступках.

Таковы пути, намечаемые созвездиями и планетами для творчества Черубины де Габриак. Но не забудем, что они определяют мировые сферы творчества и вековые устремления жизни. Все сказанное относится к этой области и совсем не касается ни таланта данного поэта, ни его силы, ни его значения. Рожденные под этим сочетанием настолько сгорают в самих себе, что область художественного творчества может отсутствовать в них совершенно. К счастью, этого нельзя сказать о Черубине де Габриак.

Как ни сомнительны гороскопы, составляемые о поэтах, достоверно то, что стихотворения Черубины де Габриак таят в себе качества драгоценные и редкие: темперамент, характер и страсть. Нас увлекает страсть Лермонтова. Мы ценим темперамент в Бальмонте и характер в Брюсове, но в поэте-женщине черты эти нам непривычны, и от них слегка кружится голова. За последние годы молодые поэты настолько подавили нас своими безукоризненными стихотворениями, застегнутыми на все пуговицы своих сверкающих рифм, что эта свободная речь с ее недосказанностями, а иногда ошибками, кажется нам новой и особенно обаятельной.

Для русского стиха непривычен этот красивый и подлинный жест рыцарства («Ты, обагрявший кровью меч, склонил смиренно перья шлема, перед сияньем тонких свеч в дверях пещеры Вифлеема»)¹³ этот акцент исступленного католицизма в гимне св. Игнатию Лойоле. Этот «цветок небесных серафимов» — «Flores de Serafinos» св. Терезы,¹⁴ этот образ палладина, о котором мечтает св. Дева («... И Богоматери мечта»)¹⁵ переносит нас в Испанию XVII века, где аскетизм и чувственность слиты в одном мистическом нимбе.

Вера поднимается иногда до такой высоты, что не страшится соприкоснуться с кощунством. Вспомним великолепную фразу Барбэ д'Оревильи: «Для Господа нашего Иисуса Христа было большим счастьем, что

он был Богом. Как человеку ему не хватало характера». ¹⁶ Так говорит мужчина о мужчине. Не будем же удивляться тому, что Черубина де Габриак, по примеру св. Терезы, говорит о Христе как женщина о мужчине.

Эти руки, как гибкие грозди,
Все сняют в перстнях дорогих,
Но оставили острые гвозди
Чуть заметные знаки на нпх. ¹⁷

Ее речи звучат так надменно и так мало современно, точно ее устами говорит чья-то древняя душа. И мы находим странное подтверждение этому в стихотворении, посвященном «Умершей в 1781 году» — умершей в религиозном безумии от кощунственной и преступной любви к «Отроку из Назарета».

Во мне живет мечта чужая,
Умершей девушки — мечта.
И лик Распятого с креста
Глядит, безумьем угрожая,
И гневны темные уста.
 Он не забыл, что видел где-то
 В чертах похожего лица
 След страсти тяжелей свинца
 И к отроку из Назарета
 Порыв и ужас без конца.
И голос мой поет, как пламя,
Тая ее любви угар,
В моих глазах — ее пожар,
И жду принять безумья знамя —
Ее греха последний дар. ¹⁸

В поэзии Черубины де Габриак часто слышится борьба с этой древней душой, не умершей в ней. Она то сравнивает себя с огненным цветком папоротника, ¹⁹ цветущим только раз, умоляет сорвать ее, уступить ее любовной порче, то вспоминает о «Белом Иордане, о белизне небесного цветка». ²⁰ Она не знает еще, какой путь выберет: путь «Розы и Креста», или испепеляющий путь земного огня, «путь безумья всех надежд — неотвратимый путь гордыни: в нем пламя огненных одежд (принятых как искупление рыцарями Храма) и скорбь отвергнутой пустыни»; не знает, что впишет в золоченное поле своего щита — «Датуры тьмы, иль Розы Храма? Тубала медную печать или акацию Хирама?»: страстной путь сынов Каиновых («мне кажется, что помню, как я соблазнила Ангелов») или священственный путь строителя Соломонова Храма, на могиле которого, как символ «посвящения», выросла акация. ²¹

Но этими глубинными, так сказать, основными, звездными переживаниями не ограничивается круг поэзии Черубины де Габриак.

Сознание ненужности своей мечты и своего изгнания часто звучит в ее стихах («... И вновь одна в степях чужбины, и нет подобных мне вокруг... К чему так нежны кисти рук, так тонко имя Черубины?»).²²

Иногда реальности жизни представляются ей в виде развеявшегося сна Сандрильоны:

Утром меркнет говор бальный...
Я — одна... Поет сверчок...
На ноге моей хрустальный
 Башмачок.
Путь, завещанный мне с детства, —
Жить одним минувшим сном.
Славы жалкое наследство...
 За окном.
Чуждых теней миллионы,
Серых зданий длинный ряд,
И лохмотья Сандрильоны —
 Мой наряд.²³

Наряду с этим она дает свой внешний, жизненный лик чисто светской девушки, в котором горечь скрыта под усталой маской иронии:

Темно-лиловые фиалки
Мне каждый день приносишь ты;
О, как они наивно-жалки,
Твоей влюбленности цветы.
 Любви изысканной науки
 Твой ум ослепший не поймет,
 И у меня улыбкой скуки
 Слегка кривится тонкий рот.
Моих духов старинным ядом
Так сладко опьянцлся ты,
Но я одним усталым взглядом
Гублю ненужные цветы.²⁴

Но гораздо чаще эта ирония, свойственная ее светскому жесту, сменяется усталой капризностью:

Даже Ронсара сонеты
Не разомкнули мне грусть.
Все, что сказали поэты,
Знаю давно наизусть.
 Тьмы не отгонишь печальной
 Знаком святого креста.
 А у принцессы опальной
 Отняли даже шута...²⁵

Или сквозь иронию проступает искренняя глубокая грусть, как например в этом маленьком «Lai» (Черубина де Габриак любит редкие и

замкнутые формы старинных поэм, как «рондо», «лэ», и различные системы переплетений и повторений стихов, например, в ее поэме «Золотая ветвь», но не подчеркивает никогда своих намерений, пользуясь этими изысканными формами легко и свободно, как естественным своим языком). Это «Lai» в своих сжатых строках заключает целую сложную психологическую поэму и может служить образцом удивительного мастерства Черубины де Габриак:

Флейты и кимвалы
В блеске бальной залы
Сквозь тьму;
Пусть звенят бокалы,
Пусть глаза устали —
Пойму. . .
Губ твоих кораллы
Так безумно алы. . .
К чему? ²⁶

Эти черты дают жизненную законченность ее лицу. Без них оно бы осталось слишком отвлеченным, почти литературной формулой.

Вот данные гороскопа; вот данные таланта. Какой же дар нам, феям-критикам, положить в колыбель этому подкинутому в храм Аполлона поэту? Нам думается, что ей подобает только один — золотой, неверный и нерадостный дар — слава.

Мы кладем его в колыбель Черубины де Габриак.

И. Ф. АННЕНСКИЙ — ЛИРИК

«Все мы умираем неизвестными». . .

Слова Бальзака оказались правдой и для Иннокентия Федоровича Анненского.¹

Но «жизнь равняет всех людей, смерть выдвигает выдающихся». Надо надеяться, что так случится и теперь.

И. Ф. Анненский был удивительно мало известен при жизни не только публике, но даже литературным кругам. На это существовали свои причины: литературная деятельность И. Ф. была разносторонняя и разнообразная. Этого достаточно для того, чтобы остаться неизвестным. Слава прижизненная — удел специалистов. Оттого ли, что жизнь стала сложнее и пестрее, оттого ли, что мозг пресыщен яркостью рекламных впечатлений, память читателя может запомнить в наши дни о каждом отдельном человеке только одну черту, одно пятно, один штрих; публика инстинктивно протестует против энциклопедистов, против всякого многообразия в индивидуальности. Она требует одной определенной маски с неподвижными чертами. Тогда и запомнит, и привыкнет, и полюбит.

Быть многогранным, интересоваться разнообразным, проявлять себя во многом — лучшее средство охранить свою неизвестность. Это именно